

РЕПОРТЕР

ЗА ПОДСКАЗКУ — СПАСИБО!

Репортаж из суфлерской будки

Он — единственный на весь наш полуторамиллионный город. Единственный — на всю область. И даже на целый ряд областей. Человек по профессии суфлер. Их, людей этой профессии, может, всего-то десятка два наберется на всю страну.

... В оперном «давали» «Флорию Тоску». Публика заполняла зал, музыканты настраивали голоса своих инструментов, вокалисты собственные голоса. Пора и суфлеру Евгению Волынскому занимать свое рабочее место. И — вместе с ним.

Суфлерская будка — это такой узкий колодезь, «прорубленный» внутри коробки сцены. Жизненное пространство там столь ограничено, что наши два стула едва помещаются на крохотном возвышении, войти на которое по крутым ступенькам можно лишь согнувшись в три погибели. И — перед нами сцена с декорациями. Позади, где-то за спиной, зрительный зал. Над головой — полусферой «крыша».

— Хорошо, что сегодня не «Севильский цирюльник», — поразился за меня Евгений, — там почти все сцены над суфлерской будкой, над самой головой. А в «Горячем сердце» так там танки по мне ползают. Они хоть и бутафорские, но все равно как-то не очень уютно.

Итак, включена подсветка, суфлерский клавиш перед глазами... Занавес! С первыми музыкальными тактами на сцене появляется отважный Анжелотти, один из персонажей оперы.

«О, наконец-то!» — произнес Евгений Волынский. Фраза сия вовсе не была выражением облегчения и радости по поводу начавшегося спектакля.

«О, наконец-то, — подхватил Анжелотти. — Бешено я мчался...».

Началась работа. Теперь суфлера отвлекать вопросами не следует. Тем более, что и по возрасту, и по стажу работы Евгений Волынский — суфлер еще совсем молодой, неопытный. А «Флория Тоска» — опера сложная. Накануне Женья весь день слушал пластинки с этим произведением в исполнении различных театров. Впитывал, так сказать.

Казалось бы, ну, что тут сложного в суфлерском деле? Подсказывать слова — вот и вся работа. Как бы не так. Есть нюансы. Главное — вовремя подсказать. Именно в ту секунду, чтобы артист

успел услышать и подхватить слово, реплику. И голос нужен, почти как у диктора, и громкость такая, чтобы актеры на сцене слышали его хорошо, а зрителям это вовсе не обязательно. (Женья говорил мне, что первое время, когда только начинал суфлировать, так кричал — на третьем ярусе было слышно). И потом, ведь в суфлерской будке музыкального театра без музыкального образования (желательно высшего) делать нечего. Тут нужно уметь читать ноты, успевать следить за оркестром. Бызает — и подпеть вокалисту. В общем, задавать тон, в фигуральном и буквальном смысле. Так что это целая наука. Работа тонкая. И нервная. Не так-то просто в нынешнее время найти хорошего суфлера, да еще при зарплате 97 рублей.

В нашем театре до сих пор многие помнят Ольгу Петроу Красильникову. Говорят, была она суфлером высочайшего класса. Сама бывшая хористка, она знала весь оперный репертуар театра наизусть. Мало того — помнила разные варианты текстов. А когда в театр приезжали на гастроли иностранные артисты, она «подсказывала» им по-итальянски. Интуиция у Ольги Петровны, рассказывают, была фантастическая. Сам певец еще не подозревает где, в каком месте он споткнется, забудет, а суфлер уже чувствовал. По чьему-нибудь растерянному взгляду из ансамбля(!) определяла: потерял человек мелодию (или забыл текст), и тогда Ольга Петровна ему подпевала.

Женья Волынский всего второй год суфлером работает, считает, что до настоящего профессионала ему еще далеко. Одновременно учится на третьем курсе консерватории. Убежден, что такая «стажировка» в суфлерской будке — отличная школа для будущей профессии. Ведь суфлер, говорит он, тот же дирижер, только в мини-масштабе. Если ты хороший суфлер — можешь смело за дирижерский пульт вставать. Это уже проверено другими.

... На сцене бешут страсти из итальянской жизни начала прошлого века. Любовь и долг, злодейство и благородство, жизнь и смерть... И это все разыгрывается и распеваётся в нескольких сантиметрах от нас. Интересно. Никогда раньше не доводилось слушать оперу так близко.

Главная героиня, певица Флория Тоска, взметнулась в типично итальянском порыве, и поднятые

пышными юбками легкое облачко пыли вкатилось в «амбразуру» нашей суфлерской будки. Да непыльной работу суфлера не назовешь. Но это так, к слову, Мелочи суфлерского быта.

Сколько лет существует эта профессия? Наверное, столько же, сколько и сам театр. Только вот театр и сейчас жив, здоров, а суфлеров горсточка осталась. Может, она и не нужна вовсе, эта профессия? Ведь кто такой, в сущности, суфлер? Это подсказчик: А подсказывать, нас еще в школе учили, нехорошо. Если актер знает свою роль, нужен ли ему суфлер? В антракте я задала этот вопрос Каварадосси, вернее, народному артисту СССР В. Егудину.

— Нужен, — убежденно ответил он. — Ведь на сцене у актера так много задач, и могут возникнуть самые неожиданные ситуации. Помню, был случай. Мы гастролировали в Москве. Шел спектакль «Война и мир». Без суфлера. Я пел Пьера Безухова. Начал ариозо: «Если бы самым красивым, самым умным...», первые фразы спел, а дальше забыл. И стал сочинять свой текст на ходу: из ритма выбился, весь взмок, ноги ватные... Ариозо все-таки допел до конца, но чего мне это стоило!

Конечно, артистов понять можно — чисто психологически с суфлером им спокойнее. Но на суфлера надейся, а сам не плошай.

Это уже Женья Волынский рассказал мне похожий на анекдот случай. Как-то привел он на «экскурсию» в суфлерскую будку своего одноклассника. Спектакль подходил к концу. Осталось несколько заключительных реплик. «Ну, все, пошли», — сказал Женья, захлопнув клавиш. И вдруг услышал со сцены: «Ну, все-е, пошли-и...». Похоже на анекдот. Впрочем, и на правду тоже. Чего только не бывает на сцене.

Сегодня, похоже, все обойдется. Вот уже прозвучал выстрел карабинеров. Упал, сраженный, Каварадосси. Флория Тоска, не в силах пережить смерть возлюбленного, бросается с обрыва. На трагический note захихала музыка. Суфлер закрыл свой клавиш. Все.

... Зрители аплодировали вышедшим на поклон артистам...

Г. ЛЕБЕДЕВА.